

Беатрис Поттер

СКАЗКИ
КОШКИ

ТАБИТЫ

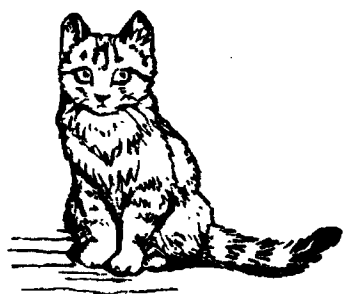
ДЕТСКАЯ КЛАССИКА

Беатрис Поттер

СКАЗКИ
КОШКИ
ТАБИТЫ

Издательство «Северная Звезда»
Санкт-Петербург
2003

СКАЗКА О МЫШКЕ ТОМАСИНЕ

В песчаной норке под зеленой изгородью жила-была маленькая древесная мышь по имени Томасина. Дом у нее был просто замечательный!

Длинные песчаные коридоры вели в собственное орехохранилище, семечкоохранилище и вместительные кладовые.

У Томасины были гостиная, буфетная, кухня, погреб и чулан.

И уютная спальня с просторной кроватью, сделанной из картонной коробки.

Томасина была удивительной чистюлей. Целыми днями она что-то мыла и чистила: то мягкий песчаный пол веничком подметет, то щеточкой пыль с буфета смахнет.

Случалось, что бродячий жук заползал в ее норку и бродил среди песчаных переходов. Тогда Томасина стучала щеткой по совку и кричала на него:

— Кыш отсюда! Кыш! Натацил грязи!

Как-то раз в норку по ошибке заползла одна пожилая божья коровка в красном в черный горошек плаще.

Тогда Томасина пропела:

— Божья коровка, полети на небо, принеси мне хлеба.

И божья коровка немедленно улетела за хлебом, но обратно почему-то не вернулась.

А однажды, в надежде укрыться от дождя, к Томасине ввалился огромный толстый паук и сказал:

— Пардон, мадам, не дадите ли воды напиться? А переночевать не пустите?

— Убирайся отсюда, нахальный паучище, — сказала мышка. — Не успеешь оглянуться, как ты мне весь домик своей паутиной оплетишь!

И, бесстрашно посадив гостя на совок, она выбросила его из окна. Но паук выпустил из брюшка длинную паутинку, преспокойно спустился по ней вниз и показал хозяйке язык.

Как-то раз Томасина отправилась в дальнюю кладовую за вишневыми косточками и семечками к обеду. Всю дорогу она принюхивалась и внимательно осматривала пол.

— Я чувствую! Чувствую запах меда! — бормотала мышь. — Может, это клевер зацвел у меня перед норкой? Ах, нет! Теперь я четко вижу на полу следы маленьких грязных лапок!

Завернув за угол, Томасина едва не столкнулась со шмелихой Жужей.

— Вж-ж-ж, вж-ж-ж! — сказала шмелиха.

Томасина строго на нее посмотрела и пожалела, что не взяла с собой метлу.

— Добрый день, Жужа, — вежливо поздоровалась она. — Я, конечно, была бы рада купить у вас немного воска, но мне непонятно, почему вы всегда входите без стука? Почему вы залетаете ко мне в окно и, кроме этого вашего «Вж-ж-ж! Вж-ж-ж!», от вас не добиться ни слова?

— Вж-ж-ж, вж-ж-ж! — ответила шмелиха Жужа, торопливо уползая вниз по коридору и прячась в кладовке, где хранились желуди.

Томасина прикончила желуди давно, еще до Рождества, и быстро смекнула, что кладовка пуста. Но, заглянув внутрь, хозяйка обнаружила, что там полным-полно сухого

мха. Томасина принялась его разгребать. Но из мха высунули головы три или четыре потревоженных шмеля и сердито жужжали.

— Это неслыханно! — возмущенно воскликнула Томасина. — Я никому не сдаю комнаты! Сейчас же убирайтесь отсюда!

— Вж-ж-ж, вж-ж-ж! — жужжали непрощенные гости.

«Может, позвать на помощь мистера Джексона Жабу? — задумалась Томасина. — Ах, нет! Он никогда не вытирает ноги».

И Томасина решила не трогать кладовку до обеда.

Когда она вернулась в комнаты, из гостиной раздалось солидное покашливание.

Это был мистер Джексон, собственной персоной! Он расселся в маленьком кресле-качалке у камина, закинул ноги на каминную решетку, а руки сложил на широкой груди. Уставившись на огонь, он безмятежно улыбался.

Мистер Джексон Жаба был добрым соседом Томасины. Он жил у водостока в грязной сырой канаве.

— Как поживаете, мистер Джексон? — спросила Томасина. — Бог мой, да вы промокли до нитки!

— Благодарю! Благодарю вас, дражайшая соседка! Я действительно сегодня промок больше обычного и вот зашел немного просохнуть, — ответил мистер Джексон. Он сидел и улыбался, а вода капала с его сюртука на пол. Увидев такое безобразие, миссис Томасина сейчас же побежала за шваброй. А мистер Джексон сидел и сидел, до тех пор пока его не пригласили к столу.

Сперва мышь предложила ему вишневые косточки.

— Благодарю! Благодарю вас, дражайшая соседка! К сожалению, нет зубов! Нет зубов! — ответил мистер Джексон и в доказательство широко раскрыл рот. Это уже было лишнее: всем известно, что у жаб зубов не бывает.

Тогда ему предложили семена чертополоха.

— Тэк-с, тэк-с, тэк-с! — сказал мистер Джексон и добавил: — Уф, уф, уф! — и пушистые семена разлетелись по всей комнате.

— Благодарю! Благодарю вас, дражайшая соседка! Вот чего бы я действительно, действительно хотел — так это маленькое блюдце меда!

— Боюсь, что меда у меня нет, — развела лапками Томасина.

— Тэк-с, тэк-с, тэк-с, дорогая Томасина! — улыбаясь, сказал мистер Джексон. — Как же нет, если я чую запах меда. Сказать по-честному, из-за него я и зашел.

Мистер Джексон Жаба грузно поднялся из-за стола и стал заглядывать во все шкафчики. А миссис Томасина бегала за ним с тряпкой, вытирая мокрые следы на полу.

Убедившись, что в шкафчиках меда нет, он отправился дальше по коридору.

— Пойдите, по-
йдите, мистер Джексон! — засуетилась Томасина. — Вы же за-
стрянете!

— Тэк-с, тэк-с, тэк-с, дорогая Томасина! За-
пах здесь сильнее! — сказал мистер Джексон и протиснулся в буфет-
ную.

Меда он там не на-
шел, зато обнаружил в
сушилке для посуды трех тараканов, два из которых
успели скрыться, а третий был пойман и съеден на
месте.

Затем мистер Джексон осмотрел кладовую. Там
юная мисс Бабочка лакомилась сахаром. Увидев мис-
тера Джексона, она
торопливо выпорх-
нула в окно.

— Тэк-с, тэк-с,
тэк-с, дорогая Тома-
сина, да у вас полон
дом гостей! — сказал
мистер Джексон.

— И все явились
без приглашения! —
заметила мышь.

Они снова вышли
в коридор, и вдруг:
«Вж-ж-ж! Вж-ж-
ж!» — навстречу им

вылетела шмелиха. Мистер Джексон сейчас же ее схватил, но сразу отпустил.

— Не по вкусу мне эти шмели! Слишком жесткие! — пожаловался он, вытирая рот рукавом.

— Тогда убирайся прочь, старая жаба! — вдруг выкрикнула шмелиха Жужа — а это была именно она.

— Это уже выше моих сил! — воскликнула миссис Томасина и заперлась в орехохранилище, пока мистер Джексон в ярости вытаскивал из кладовки мох и шмелиные гнезда, не обращая внимания на укусы Жужи и ее друзей.

Когда Томасина решилась выйти из орехохранилища, вокруг не было ни души. Но какой же ужасный царил беспорядок!

— Ну и мерзость! — содрогнулась Томасина. — Мох вперемешку с медом, липкие куски сотов, грязные следы! И все это в моем собственном доме!

Она собрала в кучку мох и остатки сотов. Потом притащила из леса веток и загородила ими вход в нору.

— Теперь мистеру Джексону сюда не пролезть, — сказала она, любуясь своей работой.

Потом Томасина достала из чулана новый

кусок мыла, фланелевую тряпочку и новую щетку для уборки.

Но на уборку сил у нее уже не хватило. Мышка упала в кресло-качалку и задремала.

Проснувшись среди

ночи, она перебралась в кроватку из картонной коробки и сказала себе:

— Никогда в жизни так не уставала!

А утром она встала ни свет ни заря и затеяла генеральную уборку, которая закончилась только через две недели.

Томасина мыла, мела и скребла. Она даже до блеска отполировала мебель остатками шмелиного воска и натерла маленькие чайные ложечки.

А когда все вокруг засияло чистотой, Томасина устроила праздник. Она пригласила пятерых подружек и сварила медовый эль.

Мистер Джексон приглашен не был, но сразу почувствовал запах медового эля и явился в гости. Протиснуться в норку ему не удалось, но обиженным он себя не почувствовал.

Томасина протянула ему в окно желудевую чашечку эля, и мистер Джексон с удовольствием грелся на солнышке, попивал эль да приговаривал:

— Тэк-с, тэк-с, тэк-с! Ваше здоровье, дорогая Томасина!

СКАЗКА О ДЖОННИ- ГОРОЖАНИНЕ

мог забрать ее по пути. Но Тимми-Вилли этого не знал. Проскользнув сквозь прутья корзины, Тимми-Вилли съел слишком много горошка, и его сморил сон.

Проснулся он от испуга, когда корзину трянули и погрузили в повозку. Послышался топот конских копыт: цок-цок-цок, и бедный

Джонни-Горожанин родился в ящике буфета. А Тимми-Вилли — в саду, он был маленьким деревенским мышонком-полевкой и в город попал по ошибке — в корзине с овощами.

Садовник по пятницам посылал в город корзину овощей. Он всегда оставлял эту корзину у ворот, чтобы возничий

Тимми-Вилли, дрожа и подпрыгивая вместе с овощами, поехал прочь из родной деревни! Наконец повозка остановилась у незнакомого дома. Возничий поднял корзину и втащил ее в дом.

Получив от кухарки шестипенсовик, он хлопнул дверью и уехал восвояси: цок-цок-цок. А мышонок в корзине сжался от страха.

Вокруг стоял ужасающий

шум! На улице гроыхали сотни повозок, лаяли собаки, оглушительно свистели мальчишки. В доме хлопали двери, хохотала кухарка, стуча каблуками, бегала по лестнице горничная и даже канарейка свистела громко, как паровозный гудок.

Тимми-Вилли, проживший всю свою жизнь в саду, был испуган до смерти. И вдруг корзина открылась! Это кухарке понадобились овощи для супа. И Тимми-Вилли выскочил оттуда гигантским прыжком.

Кухарка тут же запрыгнула на стул, громко вопя:

— Мышь! Мышь! Где кошка?! Сара, тащи сюда кочергу!

Но Тимми-Вилли не стал ждать Сару с кочергой. Он с бешеной скоростью рванул вдоль плинтуса, юркнул в первую же попавшуюся щель и почувствовал, что падает.

Пролетев вниз полфута, Тимми-Вилли шлепнулся на середину стола, разбив три бокала. Оглядевшись, он увидел, что за столом сидит большая мышиная компания и чинно обедает.

— Кого это принесло? — воскликнул от неожиданности Джонни-Горожанин. Но тут же взял себя

в лапки и вспомнил о хороших манерах. Он вежливо спросил Тимми-Вилли, как его зовут, усадил гостя за стол и представил его остальным восьми мышам. У них были длинные хвосты и белые галстуки. А вот у

Тимми-Вилли хвост длинной не отличался, и городские мыши, конечно же, это заметили. Но они были слишком хорошо воспитаны, чтобы делать какие-нибудь замечания по этому поводу.

Только сидящий рядом мышонок-джентльмен тихонько поинтересовался у Тимми-Вилли, не попадал ли тот в мышеловку.

Обед состоял из восьми блюд. Все было красиво разложено и подано, но еда была какая-то незнакомая. Тимми-Вилли даже поначалу побоялся все это пробовать, но он очень проголодался в дороге и к тому же не хотел выглядеть невоспитанным в гостях у таких вежливых мышей. Он поел немного чего-то очень соленого, но, услышав наверху страшный шум, задрожал и разбил тарелку.

— Ничего страшного, — успокоил его Джонни. — Тарелка все равно не наша. Кстати, пора бы уже этим юнцам принести десерт!

А надо сказать, что двое мышат, которые прислуживали всем за столом, поднялись на кухню в надежде стащить что-нибудь вкусненькое и устроили там веселую возню. Тимми-Вилли услышал, как наверху вскрикнула кухарка, а по топоту мягких лап понял, что за мышатами гонится кошка. От ужаса Тимми-Вилли чуть чувств не лишился, и аппетит у него пропал окончательно.

— Не хочешь ли попробовать желе? — невозмутимо спросил Джонни-Горожанин. — Нет? Тогда, может, поспишь немного? Пойдем, я провожу тебя к диванной подушке с дыркой. Если забраться внутрь, то можно прекрасно выспаться.

Диванная подушка лежала в комнате на самом видном месте, и от нее удушающе пахло кошкой. Тимми-Вилли сердечно поблагодарил Джонни-Горожанина, но все же предпочел провести ночь за каминной решеткой.

Следующий день был таким же безрадостным, как предыдущий. Завтрак был просто великолепный — великолепный для тех мышей, что едят бекон. Но Тимми-Вилли был вегетарианцем — он вырос на салате и корнях.

Целый день Джонни-Горожанин и его друзья были заняты делами — рыскали под полом. А вечером вы-

лезли наверх и принялись бесстрашно разгуливать по всему дому, пугая хозяев. Какой был грохот, когда горничная Сара, увидев Джонни, свалилась с лестницы вместе с подносом. На лестнице остались крошки печенья, несколько кусочков сахара и лужица сливок, которая, к несчастью, была слизана кошкой. Но мыши все равно неплохо поживились.

Но Тимми-Вилли не мог радоваться вместе со всеми. Ему больше всего на свете хотелось домой, в свою тихую норку на солнечном бугорке. Все здесь было ему не по душе: еда была невкусная, шум мешал спать и повсюду витал этот ужасный кошачий запах.

К концу недели Тимми-Вилли так похудел и сник, что Джонни-Горожанин заметил это и поинтересовался, в чем дело. Он внимательно выслушал рассказ Тимми, расспросил его о саде и сказал:

— Похоже, что этот твой сад довольно скучное место. Что ты там делаешь, когда идет дождь?

— Когда идет дождь, я сижу в своей уютной норке, грызу кукурузу или щелкаю семечки из моего осеннего хранилища. Иногда я высовываюсь из норки и наблюдаю за грачами на поле. По утрам я слушаю, как поет мой друг, петух Робин. А когда солнце восходит — видел бы ты, какие в моем саду распускаются цветы: и розы, и гвоздики, и анютины глазки. А как там тихо! Только птицы поют да пчелы жужжат.

— Бежим! Кажется, сюда идет кошка! — вдруг воскликнул Джонни-Горожанин и потянул за собой Тимми-Вилли.

Когда они спрятались в угольном подвале, Джонни продолжил разговор:

— Я весьма расстроен, что нам не удалось принять тебя подобающим образом, Тимоти-Вильям!

— Да нет, что ты! Вы были так добры! Просто, вдалеке от дома я всегда болею.

— Наверное, твои зубы и желудок не могут привыкнуть к нашей еде. Думаю, что тебе лучше вернуться домой.

— Да! Да! — радостно воскликнул

Тимми-Вилли и тут же загрустил: — Но как?

— В той же самой корзине. Разве ты не знал, что корзину возвращают обратно каждую субботу? А завтра как раз суббота.

Утром следующего дня Тимми-Вилли распрощался со своими новыми друзьями и спрятался в корзине, где валялись пустые горшки от масла и вялый капустный лист. Он стойко выдержал долгую тряску в повозке и вскоре очутился в своем любимом саду в целости и сохранности!

С той поры каждую субботу он ходил посмотреть на корзину, стоящую у ворот. Ведь Джонни-Горожанин на прощание пообещал приехать к нему в гости. Но корзина всегда оказывалась пустой.

Прошла зима. Начало пригревать солнышко. И Тимми-Вилли почти забыл свое путешествие в город. В один прекрасный, весенний день он сидел возле норки, расчесывая свою меховую шубку, грелся на солнышке и вдыхал аромат фиалок и весенней травки.

Вдруг он увидел, что по тропинке, как всегда нарядный и щеголеватый, шагает Джонни-Горожанин с кожаным саквояжем.

Тимми-Вилли встретил его с расprostертыми объ-
тьями.

— Ты приехал в самое лучшее время года! Сейчас я угощу тебя чудесным травяным пудингом, а потом погреемся на солнце.

— Хм! Здесь довольно сыро, — сказал Джонни-Горожанин, изящно поддерживая свой длинный хвост лап-

кой, чтобы он не
волочился по
земле.

Тут вдалеке
замычала коро-
ва.

— Что это
за ужасный
звук! — вздро-
гнул Джонни-Го-
рожанин.

— Это мыча-
ние коровы. Хо-

чешь молока? Я сейчас принесу! Коровы — вполне
безобидные существа, но от их копыт надо держаться
подальше — могут слу-
чайно наступить. А как
поживают твои дру-
зья?

Новости Джонни
сообщил не самые
приятные: хозяйева
дома всей семьей
уехали к морю; ку-
харка получила от
хозяев приказ изве-
сти мышей и взяла
четырёх кошек; а
одна из кошек заду-
шила канарейку.

— Конечно же,
смерть птицы свали-

ли на нас, — жаловался Джонни. — Но я-то знаю, чьих лап это дело... Ах! А это что за рев?

— Это всего-навсего газонокосилка, — отмахнулся Тимми-Вилли. — Обычно я подбираю за ней траву, чтобы поменять себе постель. Знаешь что, Джонни, я думаю, вам всем стоит

переехать в деревню.

— Хм! Поживем — увидим. Пока хозяева на море, корзину все равно не возьмут.

— Вот и отлично! Уверен, что, пожив здесь недельку, ты сам не захочешь возвращаться.

Но Джонни захотел, и еще как! Он вернулся назад с первой же корзиной овощей и заявил, что в деревне *слишком скучно!*

Что ж! Одни предпочитают жить в городе, другие — в деревне. Кому что нравится!

СКАЗКА О МЫШКАХ- ШАЛУНИШКАХ

Стоял на полу одной детской комнаты очень красивый кукольный домик из красного кирпича. Окош-ки у него были белые, крашеные, с настоящими шелковыми занавесками. Были в домике и входная дверь, и печная труба.

Жили в нем две кук-лы — барышня Люсинда и кухарка Джейн. Лю-синда никогда не отдава-ла распоряжений Джейн что-нибудь приготовить. А Джейн никогда ничего не готовила, потому что кукольный обед был готов с тех самых пор, как его принесли из магазина.

Он лежал в коробке со стружками и всегда состоял из двух красных раков, окорочка, форели, рисового пудинга, нескольких груш и апельсинов. И, хотя съесть их было нельзя, они были крепко приклеены к тарелкам — выглядел обед удивительно красиво!

Однажды утром Люсинда и Джейн отправились прогуляться по улице в кукольной коляске. Детская опустела, и в ней сразу стало тихо. Вдруг в углу, неподалеку от камина, под плинтусом раздался шорох и царапание. Оказывается, там недавно появилась маленькая мышинная норка. На миг из норки высунулась голова Тома-Мизинчика и сейчас же скрылась.

Через минуту Ханка-Манка, его жена, тоже высунула головку. Ее острые глазки внимательно осмотрели детскую. Увидев, что комната пуста, она отважилась залезть по клеенке на ящик для угля. Том запрыгнул следом.

Они сразу же увидели у противоположной стены кукольный домик. Не долго думая, Том-Мизинчик и Ханка-Манка осторожно прокрались через ковер и распахнули дверь домика. Они поднялись наверх, заглянули в столовую и даже пискнули от радости.

Какой прекрасный обед ожидал их на столе! Возле маленьких фарфоровых тарелочек лежали чайные ложечки, ножики и вилочки.

ки. У стола стояли два кукольных стульчика — будто бы специально для них!

И Том-Мизинчик, не теряя времени даром, уселся за стол и придвинул к себе окорок.

Это был прекрасный розовый окорок с белоснежным жиром, без сомнения, очень вкусный. Том схватил ножик и попытался отрезать кусочек. Но нож соскользнул и порезал ему палец. Сунув палец в рот, Том сказал:

— По-моему, он сыроват. Слишком жесткий! Попробуй-ка ты, Ханка-Манка.

Мышка приподнялась на стуле и принялась старательно пилить окорок другим ножом.

— Не получается! Он жесткий, как подошва, — сказала она, изо всех сил втыкая в него вилку. Вдруг окорок отскочил от тарелки и с грохотом закатился под стол.

— Ну и пусть валяется! — сказал Том. — Дай-ка мне лучше кусочек форели, дорогая.

Ханка-Манка попыталась ложкой и вилкой отделить кусочек

рыбы от костей, но форель не отделялась даже от тарелки.

И тогда терпение у Тома-Мизинчика лопнуло. Он достал окорок из-под стола, водрузил на середину комнаты и начал лупить по нему совком: бац-бац-бац! шмяк-шмяк! — да так, что окорок на мелкие кусочки разлетелся! И не удивительно, он ведь был гипсовый...

Но от этого мышам легче не стало, и они впридачу расколотили пудинг, обоих раков, груши и апельсины. Только противная форель оказалась крепкой,

как железо, и даже не отделялась от блюда. Тогда было решено ее сжечь. Мышки побежали на кухню и засунули рыбу в очаг, под которым пылал красный бумажный огонь.

Но форель почему-то не горела.

Том-Мизинчик забрался на крышу и заглянул в печную трубу. В трубе не было ни дыма, ни сажи.

Пока Том изучал трубу, Ханка-Манка испытала еще одно глубокое разочарование. Она обнаружила на кухне несколько баночек с надписями: «Рис», «Кофе», «Крупа». Но в них не было ничего съестного. Она перевернула их вверх дном, и оттуда посыпались лишь синие и красные бусинки.

После этого мыши устроили в домике настоящий разгром, особенно постарался Том-Мизинчик.

Он вытащил из комода в спальне всю кукольную одежду и вышвырнул в окно. Ханка-Манка оказалась более практичной. Выбросив половину пуха из перины Люсинды, она

вспомнила, что сама давно мечтает о мягкой постельке. Они с Томом снесли перину вниз и дотащили до своей норки. Запихнуть пухлую перину в норку было довольно непросто! Но они как-то с этим справились.

Потом Ханка-Манка сбежала в домик и прита-

щила стул, книжную полку, клетку с игрушечной канарейкой и еще кое-какие мелочи. Полка и клетка в норку не лезли. Тогда мышка на всякий случай спрятала их за ящик с углем.

Потом она приволокла из домика колыбельку для пупса.

Когда Ханка-Манка бежала по ковру со вторым стулом, до ее чутких ушек донеслись чьи-то голоса. Мыши со всех ног бросились в норку, а в детскую въехали Люсинда и Джейн в коляске.

Что за зрелище представало перед Люсиндой и Джейн, когда они вошли в свой домик!

Люсинда села посреди разоренной кухни и всплеснула руками, а Джейн, прислонившись к буфету, растерянно улыбалась — ей даже нечего было сказать.

Книжная полка и клетка с канарейкой были найдены за ящиком для угля и водружены на место, но колыбелька бесследно исчезла вместе с половиной гардероба Люсинды.

Пропали все кастрюльки, сковородки, зеркальце и вешалка. Ханке-Манке все же удалось утащить много полезных вещей!

И Люсинда попросила девочку-хозяйку купить куклу-полисмена. Должен же кто-то следить за порядком, пока куклы гуляют.

Но на этом сказка о мышках-шалунишках не заканчивается. Потому что вскоре у Тома-Мизинчика и Ханки-Манки родилось четверо милых пушистых ма-

люток. Они качали их в мягкой колыбельке для пупса, варили им кашку в кастрюльках кухарки Джейн, высаживали порезвиться на мягкую пуховую перинку и были очень счастливы. А под Рождество Том нашел в щели под полом шестипенсовую монету, и Ханка-Манка сказала:

— Давай-ка сделаем Люсинде и Джейн подарок за все неудобства, что мы им причинили.

И Том среди ночи пробрался в кукольный домик и опустил монету в кукольный чулок.

И теперь каждое утро — прежде чем куклы проснутся — мышка Ханка-Манка пробирается в кукольный домик со щеткой и совком и чисто-чисто там убирает.

СКАЗКА О ПОРТНОМ ИЗ ГЛОСТЕРА

Во времена шпаг, напудренных париков и длиннополых камзолов, расшитых золотым позументом, когда господа еще носили рюши, кружевные жабо и шелковые жилеты, жил в городе Глостере один портной. Его мастерская находилась на Вестгейт-стрит. Обычно он с

утра до ночи сидел у окна на портновском столе, скрестив ноги. И целый день напролет кроил и шил из дорогих тканей изысканные наряды для господ.

Портной был маленьким старичком в круглых очках, с усталым лицом и скрюченными пальцами. И хотя он шил господам пышные и дорогие костюмы, сам он был очень, очень беден и ходил в поношенной одежде.

Он кроил свои камзолы честно, по-особенному их украшая, и на портновском столе оставались лишь маленькие обрезки ткани. «Такие лоскутки сгодятся разве что мышам на наряды», — частенько говаривал он.

Как-то раз под Рождество, в морозный и пасмурный день, портной начал кроить дорогой камзол из плотного вишневого шелка в рубчик. А к нему — атласный кремовый жилет. Их нужно было еще расшить узором из весенних цветов и украсить кружевом. Этот наряд заказал портному мэр Глостера.

Портной работал и работал, и бормотал себе под нос. Он отмерял шелк, раскладывал его то так, то смяк, примеривал к выкройке. Потом взялся за ножницы, и вскоре весь его стол покрылся обрезками вишневого шелка.

— Эх, как ты не режь, что вдоль, что поперек, ни на что не останется. Разве что на ленты или на наряды мышам, — вздохнул портной.

Когда с неба белой стеной полетели пушистые снежные хлопья и свет в мастерской померк, портной закончил работу. На столе лежали раскроенные шелк и атлас. Двенадцать кусков на камзол, четыре куска — на жилет, клапаны для карманов, обшлага и пуговицы. Все как положено! Для подкладки была отложена отличная желтая тафта, а для

петель — крученный шелковый шнур. Все было подготовлено для шитья.

Не хватало лишь одного-единственного мотка вишневых шелковых ниток. И портной вышел из мастерской на темную улицу. Он запер дверь, а ключ положил в карман. Теперь ни одна живая душа не могла попасть в мастерскую, но маленькие коричневые мыши могли. И без всяких ключей!

Все старые дома в Глостере уже давно были соединены извилистыми подземными коридорами, и мыши без труда перебежали от одного дома к другому. Они даже могли обежать весь город, не выходя на улицу.

Старый портной с удовольствием сделал бы так же, чтобы не идти домой по темным заснеженным улицам. Он жил в маленьком переулке неподалеку от собора. И, хотя дом, где он жил, был невелик, у портного хватало денег только на то, чтобы снять маленькую комнатку, которая раньше служила хозяевам кухней.

Старик был одинок, кроме кота Симпкина у него никого не было. Пока портной работал в мастерской, кот управлялся с хозяйством. Он тоже любил мышей, правда, не совсем так, как его хозяин...

— Мяу! — поздоровался Симпкин, когда хозяин открыл дверь. — Мяу?

— Здравствуй, Симпкин! — ответил портной. —

Мы обязательно поймаем удачу за хвост! Сегодня я получил заказ от самого мэра! Возьми монетку — это наш последний четырехпенсовик — и фарфоровый кувшинчик. Купи на пенни молока, на пенни хлеба и на пенни колбаски. И — ах, да! — не забудь купить на последнее пенни моток шелковых ниток вишневого цвета. Только не потеряй последнюю монетку, прошу тебя. Иначе я не смогу закончить в срок костюм для мэра.

Симпкин утвердительно сказал «Мяу», и, взяв в зубы монетку, а в лапу кувшинчик, выскочил за дверь.

Портной чувствовал себя неважно — в мастерской дуло изо всех щелей, и он простудился.

Придвинув кресло поближе к очагу, он стал вслух размышлять о чудесном камзоле:

— Думаю, что крой мне удался. Мэр женится утром на Рождество, и я успею дошить и камзол, и жилет. Тафты на подкладку мне хватит... Даже на наряды мышам останется...

— Топ-топ! Топ-топ! — услышал вдруг портной. Он вздрогнул. Станный звук раздавался из буфета.

— Что бы это могло быть? — спросил он себя.

Портной поднялся с кресла и направился к буфету. На полках было множество разной посуды: фаянсовых тарелок, мисок, блюдец, фарфоровых чашек и кружек. Он подошел к буфету и прислушался, близоруко разглядывая посуду сквозь очки.

И вдруг опять: «Топ-топ! Топ-топ!» — раздалось из-под чайной чашки.

— Все это очень странно! — сказал портной и осторожно приподнял чашку.

Под чашкой сидела маленькая леди-мышка в милом ситцевом платьишке. Она сделала портному глубокий реверанс, спрыгнула на пол и скрылась за буфетом.

Портной вернулся к очагу, протянул к огню свои старые жилистые руки и пробормотал:

— Устал! Слишком устал... Жилет надо расшить розовыми бутонами — а для этого нужен еще один моток шелка... И зачем я доверил коту последние деньги? Надо было купить все самому...

Тут из буфета снова донеслось: «Топ-топ! Топ-топ!».

— Опять? — удивился портной и, подойдя к буфету, перевернул другую чашку. Оттуда вышел мышонок-джентльмен в голубом камзоле. Он снял шляпу и отвесил портному глубокий поклон. И вдруг отовсюду послышалось громкое топ-топание маленьких лапок. Все вместе они звучали, как веселая чечетка: «Топпи-топ! Топпи-топ!». И из-под всех чашек, мисок и кружек, пританцовывая, выскочили нарядные мышки, спрыгнули на пол и исчезли за буфетом.

Портной снова вернулся к огню и сокрушенно вздохнул:

— Ох, ну и устал я сегодня! А ведь еще двадцать одну петлю надо обметать!

Закончить-то надо к субботе, а сегодня уже вторник... Эх, только мыши плясать и могут! Не иначе, Симпкин их подучил... Плохи дела! Не хватит мне шелка...

Старик и не заметил, как из множества секретных дверец в стенах выбежали мышки и стали тихонько попискивать, переговариваясь между собой. Но когда вернулся Симпкин с кувшинчиком молока, мышки сейчас же разбежались по кухне.

Симпкин распахнул дверь и сердито сказал хозяйну: «Мр-р-мяу!». Как и все кошки, Симпкин ненавидел снег — он залепил ему уши и набился за воротник. Кот выложил на буфет ломоть хлеба и колбасу, принюхался и фыркнул.

— Симпкин, — спросил портной, — где мой шелк?

Но Симпкин не ответил. Он осторожно поставил на буфет кувшин молока и подозрительно уставился на чайные чашки.

Кажется, к нему на ужин пожаловала маленькая жирная мышка!

— Симпкин, — повторил портной, — где мой шелк?

Потихоньку опустив моток шелка в чайник, Симпкин повернулся к хозяину и раздраженно зашипел: «Пф-ф-ф!». Сейчас его больше интересовал другой вопрос: «Где моя мышь?»

— Плохи дела... — вздохнул старый портной и, опечаленный, пошел в постель.

Всю ночь Симпкин шнырял по кухне, охотясь на мышей. Он заглядывал в буфет, и за плинтуса, и даже в чайник, куда упрятал моток шелка. Но так и не поймал ни одной мыши.

Когда портной ворочался и бормотал во сне, Симпкин говорил ему: «Пф-ф-ф!» или «Мряу-чщ!». И издавал всякие дикие звуки, как это обычно делают кошки по ночам.

А на бедного портного ночью напала лихорадка. Старик простудился, работая на сквозняке. Он метался в бреду на своей широкой постели и бормотал: «Шелка не хватит! Не хватит шелка!».

Портной болел день, другой, а раскроенный вишневый камзол и жилет так и лежали нетронутыми в мастерской на Вестгейт-стрит. И некому было расшить их розовыми бутонами да обметать двадцать одну петлю...

За дверью кипела жизнь. Горожане даже в метель спешили на рынок, чтобы купить к Рождеству гусей и индеек да напечь пирогов. Но бедного, старого портного из Глостера праздничный обед, увы, не ждал...

Портной не вставал с постели три дня и три ночи. Настал Сочельник. Глубокой ночью метель прекратилась, небо очистилось и над крышами Глостера засияла луна. Она осветила и маленькую улочку, где жил старый портной. Вокруг было тихо, а в окнах — темно. Город крепко спал под снежным покрывалом.

Только окошко портного мерцало желтым светом свечи. Симпкин стоял на задних лапах у постели хозяина и жаловался, что не поймал ни одной мыши.

В это время соборные часы пробили полночь. Наступила волшебная ночь с Сочельника на Рождество, когда все звери и птицы обретают способность говорить...

До чутких ушей Симпкина вдруг донеслись чьи-то странные голоса. Он сейчас же выбежал за дверь и увяз в глубоком снегу. Со всех крыш и фронтонов

города неслись тысячи счастливых голосов, распевающих рождественские песни.

Громче всех пели петухи:

— Просыпайтесь-ка, хозяйки, ставьте в печку пироги!

— Эх, какие там пироги... — вздохнул Симпкин.

На чердаке соседнего дома горел свет, и все окрестные кошки сбегались туда попеть и поплясать:

— Тише! Тише! Кот на крыше! Мя-яу! Мя-яу! — хором пели они.

— Мя-яу! Мя-яу! — пропел Симпкин и загрустил. — Да уж, все глостерские коты собрались на крыше, кроме меня.

Под деревянными карнизами скворцы и воробьи пели о рождественских пирогах. На колокольне счастливым хором вопили галки. Несмотря на глубокую ночь, дрозды и малиновки распевали о сладком пудинге. Воздух был полон птичьего щебета!

Бедному голодному коту слушать все это было невыносимо. Особенно

раздражало его тоненькое попискивание летучих мышей из щелей его собственного дома. Они забрались между досками, чтобы перезимовать, и пели сквозь сон какую-то ерунду:

Вон горят фонарики,
А вокруг — комарики.
Пи-пи-пи — комарики,
Вкусные комарики!

— Пф-ф-ф! — фыркнул

Симпкин и пошел прочь от дома, трясая ушами, как будто бы над ним летали эти самые комарики.

Незаметно он добрался до мастерской своего хозяина на Вестгейт-стрит и увидел, что там горит свет. Кот тихо подкрался к окну и увидел множество зажженных свечей. Он услышал щелканье ножниц, треск

обрываемых ниток и тоненькие мышинные голоса, которые распевали громко и весело:

Двадцать четыре храбрых портных
Решили сразиться с улиткой,
И даже самый робкий из них
Расстался с иголкой и ниткой.

И вскоре они окружили врага,
Не в силах промолвить ни слова.
Улитка себе отрастила рога!
Могла и боднуть, как корова!

И двадцать четыре храбрых портных
Пустились бежать от улитки!
А первым бежал самый робкий из них,
Роняя иголки и нитки.

Закончив одну песенку, мыши тоненько затаили другую:

Истолчем овес мы в ступке
И муку просеем.
А в ореховой скорлупке
Пироги затеем!

Ах, что за чудо — пироги!
Из овсяной, из муки!
Да с начинкою!
Да с ветчинкою!

— Мяу! Мяу! — завопил голодный Симпкин и заскребся в дверь. Но ключ лежал у портного под подушкой и открыть коту никто не мог. Какая-то маленькая мышка звонко рассмеялась и затаила следующую песенку:

Поздно ночью шили мышки
Дорогой камзол,
Заглянул в окно котик,
Был он очень зол.

Улыбнувшись сладко-сладко,
Кот мышей спросил:
— Чем вы заняты, ребятки? —
Жмурясь что есть сил.

— Может, вам помочь немного?
Нитки откусить?
Я устроюсь у порога,
Будет легче шить.

— Уходи! — сказали мыши.
Нас не проведешь.
Может, ты друзьям на крыше
Сюртучки сошьешь?

— Мяу! Мяу! — завопил разозленный Симпкин и
повис на ручке двери.

— Ну что, теперь про купца? — спросил тот же
самый тоненький голосок.

— Про купца! — радостно подхватили мыши.

И грянул дружный мышиный хор:

— Е-ехал на я-армарку у-ухарь купец!
У-ухарь купе-ец — удалой молодец!

В такт песне мыши постукивали наперстками об пол, но мышиные песни Симпкину не нравились. Он продолжал мяукать и скрестись в дверь мастерской. Наконец Симпкин изловчился, запрыгнул на окно и начал царапать стекло когтями: «Вжик, вжик!».

Вдруг песня оборвалась, и мыши забегали по всей комнате и запищали на разные голоса: «Не хватает шелка! Не хватает шелка!». А несколько мышек залезли на подоконник и захлопнули ставни, закрывая Симпкину весь вид. И голодный кот задумчиво поплелся домой.

Дома Симпкин бросился к больному хозяину и понял, что лихорадка отпустила старика. Портной дышал во сне ровно и глубоко, только лицо его осунулось и выглядело более усталым, чем обычно.

Симпкин на цыпочках прокрался на кухню, вытащил из чайника моток шелковых ниток, и коту стало совестно... Как он отвратительно себя повел! И как благородно поступили мыши!

Утром портной проснулся и увидел, что поверх лоскутного одеяла лежит моток шелка вишневого цвета. А возле кровати с покаянным видом стоит Симпкин.

— Ох, плохо дело, — вздохнул портной, погладив кота. — Хотя шелк-то у нас есть!

Вскоре портной поднялся с постели, выпил чая, оделся потеплей, и они с Симпкиным вышли на улицу. Снег серебрился под ярким солнцем. Скворцы насвистывали, сидя на печных трубах. Им вторили дрозды и малиновки. Но пели они свои обычные птичьи песни совсем не так, как минувшей ночью.

— Плохо дело, Симпкин, — сказал портной. — Шелк у меня теперь есть, да времени нет. Сшить-то я, может, и сошью, а вот петли обметать не успею. Мэр города женится в полдень — представь себе, что он скажет, когда узнает, что его вишневый камзол не готов...

Портной открыл свою мастерскую, и Симпкин ринулся внутрь — посмотреть, не засиделись ли там мыши. Но мастерская была пуста!

Пол был чисто выметен, все шелковые обрезки и лоскутки исчезли. Но на столе — о счастье! — там, где портной оставил раскроенный шелк, лежали такие роскошные камзол и жилет, каких еще не бывало у мэра Глостера.

Борта камзола были украшены изысканным узором из анютиных глазок, а жилет расшит всевозможными весенними цветами — да такими красивыми, что дух захватывало.

Все было закончено, кроме одной-единственной петли! К ней был булавкой приколот клочок бумажки, на котором было выведено малюсенькими-премалюсенькими буквами: «Не хватило шелка!»

С того самого дня удача пришла к портному из Глостера. Силы вернулись к нему, и он разбогател.

Он сшил великолепные камзолы всем богатым глостерским купцам и всем благородным господам в округе.

Никто прежде не видел таких изысканных рюшей, изящно вышитых манжет и лацканов. А отделка петель была верхом великолепия! Стежки на них были удивительно тонкими и ровными. Никому не верилось, что их мог сделать старый портной в очках своими скрюченными пальцами.

К тому же стежки были очень уж маленькими. Просто *невероятно* маленькими! Честно говоря, они выглядели так, как будто их сделали мыши.

СКАЗКА О ТОМЕ, ВАРЕЖКЕ И КИСТОЧКЕ

Жили-были три маленьких котенка, звали их Том, Варешка и Кисточка. У них были мягкие пушистые шубки, зеленые глазки и маленькие розовые носики. Котята очень любили играть и каждый день выдумывали какие-нибудь новые игры.

Больше всего им нравилось кувырком скатываться с лестницы и резвиться в пыли во дворе.

Как-то раз их матушка — миссис Табита — затеяла званный обед. Накрыв на стол, она затащила упирающихся котят в дом, чтобы помыть и принарядить к приходу гостей.

Она мягкой губкой
вымыла котят мор-
дочки (Кисточке это
очень не понравилось).

Заботливо пригласила им мех щеткой
(Варежка ни за что не
хотела стоять спокойно, потому что боялась щекотки).

Густым гребешком расчесала
котят усы и
хвосты (при этом
проказник Том
вырывался и царапался).

Потом миссис Табита надела на Варезку и Кисточку кружевные пелеринки, повязала им чистые переднички и достала из комода красивый, но очень неудобный костюмчик для Тома.

Костюм оказался Тому мал, потому что он основательно подрос и растолстел за лето. Но миссис Табита быстро перешла к пуговицам, расставила ко-

стюмчик и запихнула в него упирающегося сына.

Умытых и нарядных котят Табита выпроводила в сад, чтобы не мешали ей готовить гренки с

маслом, и строго-настрого запретила им валяться в пыли:

— Смотрите не запачкайтесь, — сказала она. — Ходите только на задних лапках! И держитесь подальше от ящика с золой, от белки Салли, от свиного закутка и от уток!

Но Варезка и Кисточка еще не привыкли ходить на задних лапках. К тому же на садовой дорожке иногда попадались кочки. И вскоре бедняжки полетели в траву носом вниз.

Поднявшись и отряхнувшись, Варезка и Кисточка увидели, что их чистенькие фарточки все в зеленых пятнах.

— Давайте влезем на садовую ограду, — предложила Кисточка. — И посидим там, пока мама не позовет нас к обеду.

Сестренки задрали свои пелеринки и в несколько прыжков забрались на ограду. Кисточка и не заметила, как с нее свалился передник и упал на дорогу.

А котенок Том запрыгнуть на ограду не мог — его задние лапки были туго обтянуты штанишками. И он полез наверх через кусты папоротника, теряя по пути пуговицы. Когда Тому наконец удалось добраться до верха и Варезка с Кисточкой втащили его на ограду, у Тома слетела шляпа и отскочила последняя пуговица. А его новенький костюмчик оказался разорванным в клочья.

Пока котята переживали и придумывали, что сказать маме, мимо ограды шел селезень мистер Кряк с двумя утками, Ребеккой и Джемаймой. Гуськом, вразвалочку они шлепали по дороге: «Шлеп-шлеп, шлеп-шлеп!».

Увидев на дороге шляпу и передник, утки остановились, выстроились в шеренгу и уставились на котят маленькими любопытными глазками. Затем утка Ребекка схватила шляпу и нахлобучила ее себе на голову, а утка Джемайма нацепила на голову передник.

Увидев такое, Варрежка захихикала и свалилась с ограды. Том и Кисточка спрыгнули следом за ней. Завязки на пелеринке Кисточки лопнули, костюмчик Тома треснул по швам, и одежда котят упала на дорогу.

— Мистер Кряк, — обратилась Кисточка к селезню. — Помогите нам, пожалуйста, одеть Тома. Без пуговиц костюмчик на нем совсем не держится.

Мистер Кряк бочком подобрался к костюму Тома, взял в клюв и поднял с земли.

Но надел он его на себя! Выглядел он в этом наряде довольно нелепо.

— Что за славное утро! — воскликнул мистер Кряк.

— Да! Да! Кря! Кря! — подхватили Ребекка и Джемайма.

И утки гордо удалились: «Шлеп-шлеп, шлеп-шлеп!», не обращая на котят никакого внимания.

Когда же миссис Табита увидела своих детей на садовой ограде без одежды, она стащила их вниз и отшлепала.

— Какой по-
зор! — воскликну-
ла она. — Гости
явятся с минуты
на минуту, а вы в
таком виде! При-
дется всем сказать,
что у вас корь.

Миссис Табита от-
вела детей наверх в
спальню и уложила
в постель. Но котята
лежать в постели не
собирались. Еще бы!
Они ведь не были
больны!

Во время обеда гости слышали в комнатах наверху топот, возню и мяуканье, что очень смущало миссис Табиту — она ведь сказала гостям, что дети больны корью.

Что же касается утиного семейства, то они в своих новых нарядах пошли купаться в пруд.

Одежда сразу же намокла и потонула, и мистер Кряк, Ребекка и Джемайма ныряют за ней до сих пор.

СКАЗКА О ПИРОГЕ И СЭМЕ-УСИКЕ

Жила-была кошка, по имени миссис Табита. Она была хорошей, но весьма рассеянной матерью и не всегда могла уследить за своими котятками. А котята только того и ждали и вечно попадали во всякие истории.

В один прекрасный день Табита собралась печь пироги и решила на это время закрыть озорников в посудном шкафу. Она поймала Кисточку и Варезку, но Тома найти так и не смогла.

Табита, громко мяукая, обыскала весь дом. Она заглянула в кладовку под лестницей, забежала в гостевую спальню, покрытую толстым слоем пыли, и даже поднялась на чердак, но Тома нигде не было. И не удивительно, ведь дом был старый-престарый, и в нем было очень много укромных уголков. Стены были толстые, в четыре фута толщиной, и оттуда постоянно слышались какие-то звуки, будто за стенами кипела жизнь. То тут, то там под плинтусами все время появлялись новые дыры, и из дома по ночам исчезали полезные вещи — особенно сыр и бекон.

Пока миссис Табита бегала по дому в поисках Тома, Кисточка и Варежка отсиживались в посудном шкафу. В конце концов они обнаружили, что дверца шкафа не заперта, и выбрались наружу.

До котят донесся завлекательный запах, и они побежали прямо к горшку с тестом, что стоял возле печи. Варежка попробовала тесто своими мягкими лапками и предложила Кисточке:

— Может, напечем булочек?

Но тут кто-то постучал в дверь, и Кисточка с испуга спряталась в бочонке с мукой.

А Варезка юркнула в кладовую, запрыгнула на посудную полку и влезла в горшок из-под молока.

Посетительницей оказалась кошечка миссис Рибби, которая зашла одолжить немного дрожжей. Табита спустилась вниз, жалобно мяукая.

— Проходи, кухня Рибби, — сказала она сквозь слезы. — Я не могу найти себе места! Пропал

мой дорогой сын Томас! Боюсь, что его похитили крысы... — всхлипнула она, утирая глаза передником.

— Не переживай так, дорогая кухня, он ведь еще котенок и горазд на всякие шалости! Вспомни, во что Том превратил мой лучший чепчик, когда я заходила к вам на чай в прошлый раз... Хорошо ли ты его искала?

— Я обшарила весь дом и обнаружила, что у нас развелось столько крыс! Ну что за наказание иметь таких непослушных детей!

— А я этих крыс ни чуточки не боюсь. Сейчас мы быстренько найдем Тома и отшлепаем как следует. Между прочим, что это у тебя за пятна сажи у очага?

— Ах, это... Наверное, дымоход пора прочистить...

И вдруг миссис Табита заметила, что дверца посудного шкафа приоткрыта.

— Ах, Рибби! — воскликнула она. — Теперь Варезка и Кисточка пропали!

И Рибби с Табитой бросились на поиски котят. Они пошарили под всеми кроватями зонтиком Рибби и заглянули во все ящики для одежды. Они даже зажгли свечу и порылись в старом сундуке. Но котята словно под землю провалились. Внезапно они услышали, как где-то наверху хлопнула дверь и кто-то скатился по ступенькам.

— Я же тебе говорила! — содрогнувшись, сказала Табита. — Дом просто наводнен крысами! На днях я спугнула на кухне толстую крысу, когда она тащила к себе в нору кусок сыра.

А потом я нос к носу столкнулась с ее муженьком. Но как только я собралась прыгнуть на него, он оскалил свои острые желтые зубы и скрылся под шкафом. Ты себе не можешь представить, кузина Рибби, как эти крысы меня нервируют!

Рибби с Табитой все искали и искали, пока не услышали внизу какой-то подозрительный звук, будто кто-то раскатывал тесто скалкой. Они бросились на кухню, но там никого не было. Но только на первый взгляд!

— А вот и первая дочка нашлась, — сказала кузина Рибби, вытаскивая Кисточку из бочонка с мукой.

Тетушка Рибби отряхнула Кисточку от муки и поставила малышку на пол.

— Ах, мамочка! — воскликнула Кисточ-

ка. — На кухню приходила тетушка-крыса! Она украла наше тесто!

Кошки кинулись к горшку. И, действительно, вокруг были отчетливо видны следы маленьких когтистых лапок, а теста изрядно поубавилось.

— Куда же скрылась эта тетушка-крыса, Кисточка? — спросила Табита.

— Я не заметила, мамочка! Я так испугалась, что залезла в бочонок.

Рибби и Табита занервничали и снова отправились на поиски котят, прихватив с собой Кисточку. В кладовой они нашли Варезку, которая пряталась в пустом горшке. Малышка бросилась к матери и замяукала:

— Ах, мама, мама! В кладовке был огромный и страшный дядюшка-крыса! Он украл кусок масла и скалку!

Рибби и Табита переглянулись.

— Масло и скалку? — воскликнула Табита, в отчаянье всплеснув лапками. — Я этого не вынесу! О, где мой бедный сыночек!

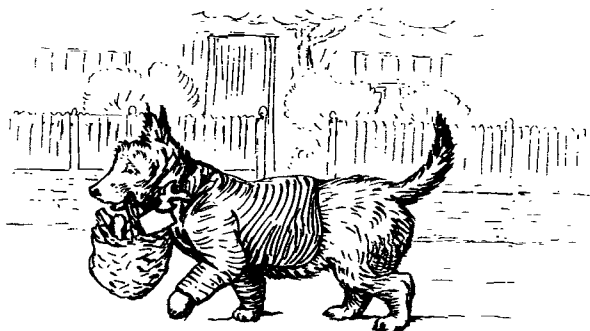
— Все ясно! — сказала Рибби. — Мы же слышали, как кто-то внизу раскатывал тесто, когда были на чердаке.

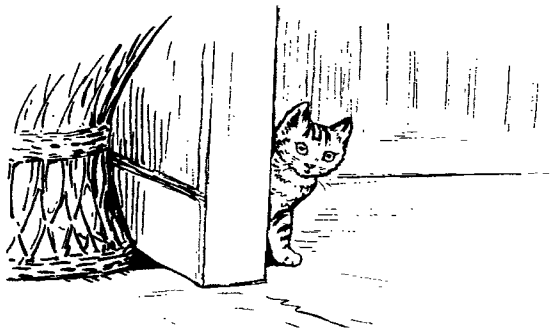
Рибби с Табитой снова бросились на чердак и отчетливо слышали, как кто-то под полом работал скалкой.

— Это уже не шутка, кузина Табита, — сказала Рибби. — Пора звать Джона-Столяра — нашего дворового пса.

Но куда же запропастился Том? Почему его нигде не нашли? Да по одной простой причине — ему очень не хотелось сидеть взаперти!

Когда Том увидел, что мама замесила тесто, он решил где-нибудь отсидеться, а потом улизнуть во двор. Он осмотрелся в поисках подходящего местечка и остановился на дымоходе. Большого жара в очаге пока не было — огонь еще не разгорелся, но от дров уже струился густой белый дымок. Котенок Том забрался на очаг и заглянул в дымоход.

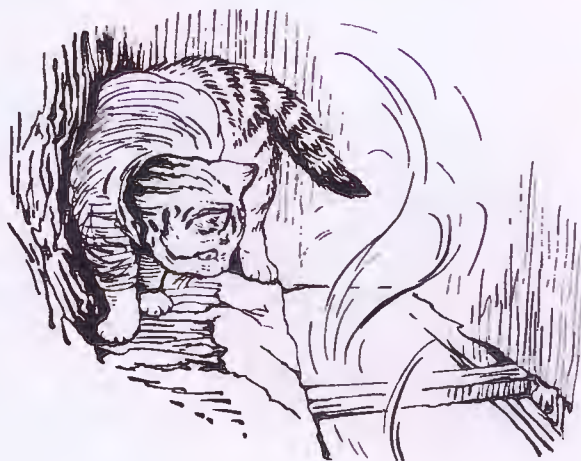

Это был большой старинный очаг, и дымоход у него тоже был большой и широкий. При желании туда и человек мог бы забраться. И Том смело запрыгнул на перекладину, куда его мама обычно вешала котелок, а оттуда — на выступ дымохода. Из очага посыпалась сажа, а Том глотнул дыма и закашлялся.

Вдруг дрова внизу затрещали, пламя разгорелось жарче, и Том понял, что назад хода нет.

— Если я поскользнусь, то могу подпалить себе хвост или прожечь дырку в куртке. Уж лучше вылезу на крышу и поохочусь на воробьев, — решил он и полез вверх по дымоходу.

Труба возвышалась на крыше, словно маленькая

каменная башня. Дневной свет почти не попадал в дымоход, потому что труба была защищена от дождя шифером.

Чем выше Том лез, тем страшнее ему становилось. Он весь выпачкался в саже и выглядел теперь как маленький трубочист.

В дымоходе было темно. Одни пролеты сменялись другими, точно такими же. И хотя наверху дыма было меньше, Тому каза-

лось, что он никогда отсюда не выберется.

Котенок упрямо карабкался выше и выше и вдруг заметил, что в дымоходе зияет дыра. В стене не хватало одного кирпичика.

Заглянув в дыру, Том обнаружил узкий проход. И там лежали бараньи кости!

— Забавно! — сказал Том. — Кто это грыз бараньи кости в дымоходе? Если б знал, ни за что бы сюда не полез! И что это за запах? Как будто пахнет мышами, только гораздо сильнее! Даже в носу щекочет!

Том протиснулся в дыру и пополз по узкому темному проходу. Вскоре он уткнулся головой в стену и тут же почувствовал, что падает.

Приземлился Том на кучу грязного тряпья. Он поднялся на лапы и понял, что находится в совершенно

незнакомом месте.

Том даже не представлял, что в доме, где он прожил всю жизнь, есть такая комнатка. Там было душно и пыльно. Дощатые стены заросли паутиной. И повсюду витал этот дразнящий мышиный запах.

И вдруг Том вздрогнул. Напротив него, на почтительном расстоянии, сидел огромный дядюшка-крыса!

— Ты зачем завалился на мою кровать, да еще весь в саже! — воскликнул он, скаля зубы.

— Извините, сэр, дымоход давно не чистили, — жалобно мяукнул Том.

— Анна-Мария! Анна-Мария! — громко пропищал дядюшка-крыса.

Затопали маленькие ножки, и на зов прибежала тетушка-крыса.

Она принюхалась и бросилась на Тома, прежде чем он успел сообразить, что происходит.

Через секунду его новая голубая курточка уже валялась в углу, а бедный Том был крепко перевязан бельевой веревкой.

Пока Анна-Мария связывала Тома, дядюшка-крыса, которого звали Сэм-Усик, сидел на прежнем месте, невозмутимо нюхал табачок и приговаривал:

— Анна-Мария, может, приготовишь завтра к обеду славный пирожок с кошатиной? Это было бы очень кстати.

А Анна-Мария, управившись с Томом, села рядышком и сказала:

— Для этого нужно тесто, кусок масла и скалка.

— Уж я ради такого случая постараюсь, — пообещал Сэм-Усик.

Они с супругой о чем-то пошушукались и удалились восвояси.

После чего Сэм-Усик спустился вниз, пролез в дыру под плинтусом и утащил из кладовой кусок масла. Вторую ходку он сделал за скалкой и укатил ее, толкая перед собой, точно маленький пивовар — бочонок с пивом. Он слышал, как переговаривались Рибби и Табита, ища малютку Тома, но ему до них не было никакого дела.

Анна-Мария пробралась на кухню сквозь дыру в подоконнике и выглянула из-за ставни. Она сразу увидела у очага горшок с тестом и бросилась туда. Переложив большой ком теста в блюдо, тетушка-крыса унесла его прочь. И даже не почуяла Кисточку в бочке с мукой.

Оставшись в одиночестве в крысиной комнатке, Том катался по полу, пытаясь освободиться от пут, и громко мяукал, зовя на помощь. Но его никто не услышал, за исключением паука, который спустился с потолка и стал изучать, как связан котенок. В этом деле паук был экспертом, но помочь Тому ничем не мог, и вскоре уполз восвояси.

Вскоре крысы вернулись и стали раскатывать тесто. Тут Сэм-Усик спросил у жены:

— Анна-Мария, а тебе не кажется, что теста маловато?

— Сколько смогла, столько и принесла, — проворчала Анна-Мария. — Не так-то это было легко!

— А ты думаешь, мне было легко достать масло и скалку? — оскалил зубы Сэм-Усик.

Они еще немного покатали тесто, и Анна-Мария пропищала:

— Ты что это делаешь, дурень старый? Нужно масло в тесто класть, а ты скалку мажешь!

— Что надо, то и мажу, и ты мне тут не указ! — возмутился Сэм-Усик. — Лучше бы за собой последила! Вон, гляди, какое тесто стало серое от твоих немытых лап.

— От моих?! А не ты ли только что ногами в тесто влез?!

Ответить на это Сэму-Усику было нечего, и он вцепился своими острыми зубами жене в хвост.

— Ви-и-и! — взвизгнула Анна-Мария и мстительно укусила супруга.

В этот момент послышался залиvistый лай и крысам на головы посыпались опилки. Это Джон-Столяр начал пилить доску в полу.

— Здесь собака! — дрожа, воскликнул Сэм-Усик. — Анна-Мария! Беги собирать вещи! Тащи все, что можешь!

— Нет уж! Ты собирай вещи, а я сбегаю в дымоход! У меня там копченый окорок припрятан, заодно и бараньи кости заберу!

Тут Джон-Столяр выломал из пола доску, запрыгнул в комнату и обнаружил скалку и котенка Тома,

целого и невредимого. А от противных крыс только запах остался.

Остаток дня Джон-Столяр провел в заботах. Он обнюхивал все углы в доме, фыркал, лаял и поскуливал. Но крыс и след простыл. Тогда он забил обратно доску в чердачном полу, сложил инструменты в сумку и спустился на кухню.

Кошачье семейство к тому времени успокоилось, и Табита пригласила Джона на чай. Бедняжку Тома уже отмыли от сажи в горячей ванне, и он тихонько сидел у очага и сох. А в очаге зарумянивался великолепный пирог.

С тех пор в доме у Табиты крыс не стало. А соседи в один голос уверяли, что видели, как по переулку от дома Табиты со всей мочи неслись Сэм-Усик и его супруга. Причем Анна-Мария толкала перед собой тачку с большими узлами. И вроде бы эта семейка со своим багажом скрылась во дворе фермера Картошки.

Фермер Картошка был в полном расстройстве. Его сарай прямо-таки кишел крысами! Они съедали корм для цыплят, воровали овес и прогрызали дыры в мешках с мукой. И все они были детьми, внуками и правнуками мистера Сэма-Усика.

Варежка и Кисточка выросли и стали отличными крысоловами. Работы у них в деревне — хоть отбавляй! А котенок Том превратился в красивого и ленивого кота Томаса. Но крыс он до сих пор побаивается и предпочитает ходить в домашних любимцах у одной маленькой милой девочки.

СКАЗКА ПРО МЫШОНКА И КИСТОЧКУ

Как-то раз кошка Табита ушла на базар и взяла с собой котят — Варешку и Тома, а Кисточку оставила дома за хозяйку. Кошечке было

скучно одной. Она немного побродила по дому, устроилась у камина и задремала. Вдруг за буфетом послышался шорох. Кисточка сейчас же открыла глаза, наострила ушки и подкралась к буфету.

Тут из-за буфета высунулся мышонок и пропищал: «Пи-пи-пи!». Он совсем не боялся кошек и решил подразнить Кисточку.

Не долго думая, Кисточка бросилась на мышонка, но тот успел улизнуть. И Кисточка влетела головой в дверцу буфета и ушибла носик.

Кисточка принялась тереть нос лапкой. Кто бы мог подумать, что дверца такая твердая!

А хитрый мышонок в это время забрался на буфет. С высоты ему было хорошо видно, чем занята кошка.

Но Кисточка потеряла к мышонку всякий интерес. Она взяла платок, повязала им голову — да так, что остались видны только ушки, и неподвижно уселась у камина. Лишь кончик ее пушистого хвостика легонько подрагивал.

«Теперь кошка ничего не видит! — подумал мышонок. — Представляю, как она испугается, когда я дерну ее за хвост!» И мышонок быстро перепрыгнул с буфета на карниз и спустился вниз по шнуру от занавесок.

Кисточка неподвижно сидела у камина на плюшевой подушке. Мышонок подкрался к ней поближе и остановился.

Было очень похоже, что у кошки болит голова, так жалобно она вздыхала, хватаясь за голову лапками. Ну разве мог догадаться мышонок, что платок у кошки с дыркой и она давно наблюдает за ним одним глазом?

Всего один прыжок: «цап-царап!» — и мышонок уже у Кисточки в лапах. Раз мышонок дразнил Кисточку, почему бы ей теперь не подразнить мышонка?

Кисточка посадила мышонка в платок, а из платка сделала узелок. До чего же испугался мышонок!

А Кисточка распушила хвостик и начала подбрасывать узелок вверх, словно мячик.

Поиграв немного,
Кисточка развязала
узелок и увидела, что
мышонка и след про-
стыл! Как же она мог-
ла забыть, что платок
с дыркой?

А мышонок выскользнул через дырку в платке,
снова забрался на буфет и пустился в пляс. Как же
все-таки здорово он подшутил над кошкой!

Содержание

СКАЗКА О МЫШКЕ ТОМАСИНЕ	3
СКАЗКА О ДЖОННИ-ГОРОЖАНИНЕ	15
СКАЗКА О МЫШКАХ-ШАЛУНИШКАХ	29
СКАЗКА О ПОРТНОМ ИЗ ГЛОСТЕРА	41
СКАЗКА О ТОМЕ, ВАРЕЖКЕ И КИСТОЧКЕ	59
СКАЗКА О ПИРОГЕ И СЭМЕ-УСИКЕ	71
СКАЗКА ПРО МЫШОНКА И КИСТОЧКУ	89

ББК 84. 4 Вл
П 68

Беатрис Поттер СКАЗКИ КОШКИ ТАБИТЫ

Сказочная повесть

Литературный пересказ *Оксаны Лащевской*
Компьютерная верстка *Нины Грибещенко*

Перепечатка издания или отдельных частей
без разрешения издательства «Северная Звезда» преследуется по закону.

Издательство «Северная Звезда». 199406, Санкт-Петербург,
Малый пр., В.О., д. 67/1, л. А, т. (812) 273-76-92

ISBN 5-7869-0103-3

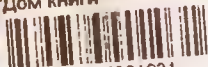
© О. Лащевская, литературный пересказ, 2003
© «Северная Звезда», 2003

Серия книг «Детская классика. Волшебные сказки»

Подписано в печать 04.03.03. Формат 70×100¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 6000 экз. Заказ № 2548.
Отпечатано с диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ООО "Дом книги"

276276

9785786901031

Поттер Сказки кошки Табиты

02.04

82 00 р.

ISBN 5-7869-0103-3

9785786901031

издательство

"СЕРБИЯ С ДРЕЗДА"